

Теракт в Мюнхене как признак прощания со старой Европой

Согласно данным полиции, стрельба в торговом центре в Мюнхене 22 июля – акт отчаяния или помешательства неудачника-одиночки, а не очередная акция исламских экстремистов. Таким образом этот инцидент не вписывается в череду недавних масштабных террористических атак. Тем не менее он может оказать намного большее воздействие на европейское будущее, чем то, что случалось до сих пор в странах Старого Света – Франции (многократно), Великобритании, Бельгии, Испании. При всем значении этих держав Германия – случай особый.

Политический центр Евросоюза, государство, обладающее не только самым обширным влиянием, но и во многом задающее идейный настрой современной Европы. Такой статус Германия приобрела недавно – до прошлого десятилетия Берлин устраивала позиция главной экономики в своей части света без особенной политической ответственности. Однако с того момента, как в ЕС начался многоуровневый кризис (рубеж 2000-х-2010-х), значение Германии стало быстро расти. К середине текущего десятилетия она рассматривалась как единственный кандидат на роль спасителя европейского проекта и архитектора его обновления. Перспектива такая далеко не всех в ЕС устраивала, однако ее реальность признавали все.

Поворотным моментом стала волна беженцев летом и осенью 2015-го, когда позиция, занятая канцлером Германии Ангелой Меркель, во-первых, не была принята большинством европейских стран, во-вторых, оказалась катализатором обострения проблемы, а не способом ее смягчения. Главное не в том, что новая линия противоречий проявилась между членами ЕС, а в подспудном росте внутреннего напряжения в Германии, которое вообще не свойственно политике этой страны.

Западногерманская партийная система, созданная после Второй мировой войны, всегда была стабильна и успешно адаптировалась к изменениям в обществе. Потрясения конца 1960-х впервые привели к власти социал-демократов, бурление 1970-х и начала 1980-х обогатило Бундестаг вчерашними бунтарями из «зеленых», прекрасно вписавшихся в истеблишмент. Объединение Германии расширило мейнстрим на приемников гэдээровской СЕПГ, которые зацепились на краю политического поля. Модель в целом не менялась, она сохраняла устойчивость, кооптируя представителей новых социально-политических групп.

Сейчас специалисты все чаще говорят о том, что партийно-политическая система ФРГ не отвечает реальному состоянию общества. Социальная рыночная экономика, самым успешным примером которой с пятидесятых годов считается именно Германия, приучила политиков и активистов ориентироваться исключительно на средний класс – главную опору стабильности и развития. Именно он сейчас размывается, как и повсеместно в развитом мире, — верхняя часть с напряжением, но удерживает свои позиции, однако больше не растет, нижняя скользит вниз, утрачивая благосостояние и уверенность в будущем.

Напуганных переменами и раздраженных людей, которые воспринимают в штыки меняющуюся реальность, уже не менее 15 процентов, и это явно не потолок. С ними не работают (и не знают как) никакие из традиционных политических сил, включая левых, которым, казалось бы, сам бог велел вспомнить традиции и выступить от имени обездоленных. Но левые тоже привыкли бороться за симпатии благополучного среднего класса (социал-демократы) либо, как в случае слевой партией (в основном восточногерманской), апеллировать к остаткам электората, ностальгирующего по ГДР.

В результате к новым обездоленным обращаются возникающие общественно-политические силы, которые в Европе называют популистскими, – антииммигрантское движение Pegida и противники европейской интеграции из партии «Альтернатива для Германии». Сам факт возникновения такого рода персонажей в Германии — примета серьезных перемен. Из-за истории XX века страна особенно чувствительна к проявлениям ксенофобии. Конечно, усиление правых настроений, давно уже заметное в остальной Европе, не означает, что именно они определяют курс Берлина. Однако они способны выступать ферментом, влияющим на направление политического развития. Тем более что события внутри Германии напрямую увязаны со все более запутывающейся ситуацией в Евросоюзе в целом.

Германия имеет трагический опыт терроризма, правда, в основном он относится к семидесятым годам. Провальная операция спецслужб в 1972-м, когда палестинские экстремисты захватили в том же Мюнхене олимпийскую сборную Израиля, заставил серьезно усовершенствовать методы подготовки. Через несколько лет ФРГ столкнулась с мощной волной леворадикального террора Фракции Красной Армии, и его удалось решительно подавить. С того момента, как на политическую арену вышел современный терроризм, связанный с Ближним Востоком, Германию не раз называли в числе потенциальных мишеней, однако ничего, подобного французским или британским событиям, там не происходило. Правда, почти каждый раз, начиная с 11 сентября 2001 года, расследование выявляло нити, ведущие к «спящим ячейкам» в ФРГ, но их

своевременно обезвреживали.

Германское государство традиционно демонстрировало надежность в том, что касается защиты покоя и безопасности граждан, и они этому государству доверяют – полиции, спецслужбам, административным органам. В последние годы олицетворением такой репутации стала Ангела Меркель – солидный, ответственный и мудрый лидер, который, как полагало большинство, знает, что и как делать и в германском, и в европейском масштабе.

Кризис с мигрантами ударил по всему комплексу представлений – от авторитета Меркель и веры в то, что политический истеблишмент понимает, что делает, до (и это самое важное) уверенности людей в собственной безопасности. Чувство тревоги распространяется по Старому Свету по разным причинам: где-то боятся терактов, где-то – нового банковского обвала, где-то – утраты национальной идентичности из-за наплыва инокультурных элементов (Восточная Европа). Однако это общее ощущение отсутствия безопасности имеет политические последствия.

Волна насилия, которая воспринимается как все менее контролируемая кем-либо из властей, усугубляет недоверие масс к «оторванной от корней» элите, а это и так мировой тренд. Все больше «простых» людей считают глобальную ситуацию с распределением благосостояния несправедливой, что подрывает легитимность правящего класса. Ситуация в истории не уникальная, но в относительно упорядоченные времена у верхушки был свой козырь: ее представители могли констатировать, что, хотя не всегда способны гарантировать богатство и равенство, обеспечивают мир и безопасность. Например, защищая свободу и независимость перед лицом внешнего захватчика, либо предотвращая внутренние потрясения. Сейчас все это размылось.

Отстаивание суверенитета, противостояние внешним врагам – вообще не тема для западных обществ. В Европе до недавнего времени суверенитеты, напротив, предполагалось демонтировать, а, если и объявлялось, что от какой-то страны исходит опасность (как это произошло недавно в случае с Россией), то речь шла об угрозе виртуальной, а не реальной. Сегодня же обеспечение общественной гармонии и купирование внутренних вызовов внезапно стало задачей почти нерешаемой, тем более что внутренние и внешние угрозы (миграция, исламизм, терроризм, провал мультикультурной интеграции) неразрывно переплелись.

В этих условиях беспощадные атаки на ни к чему не причастных людей – неважно, осуществлены ли они прошедшими обучение исламистами или безумными одиночками – усугубляют ощущение незащищенности и ответственности за это власти. Неслучайно Меркель, которая с задержкой откликнулась на события в Мюнхене, помимо слов соболезнования, подчеркнула, что понимает страх сограждан и что спецслужбы делают все возможное, чтобы обеспечить их безопасность.

Германия вступает в избирательный период – парламентские выборы должны по графику состояться осенью 2017-го. Они пройдут после судьбоносных голосований, которые могут не хуже референдума в Великобритании перевернуть мировую атмосферу – президентских выборов в США и Франции. Небольшим, но важным тестом станет повторный второй тур избрания президента Австрии ближайшей осенью. В мае кандидат ультра-правых проиграл с минимальным перевесом «зеленому» сопернику, результаты отменили по процедурным основаниям. После Brexit, теракта в Ницце и соседней Баварии, большинство австрийцев по-прежнему на стороне «зеленого», а не борца с мигрантами?

До сих пор мало кто сомневался, что Ангела Меркель останется лидером Христианско-демократической партии и поведет коалицию ХДС/ХСС на выборы, которые выиграет, хотя едва ли сможет сформировать некоалиционное правительство. Меняющиеся обстоятельства способны скомкать этот сценарий. Ветер дует в паруса «Альтернативы для Германии», несмотря на сотрясающие партию скандалы и явную одиозность ее лидеров. Баварская ХСС все очевиднее расходится с канцлером, прежде всего по вопросам беженцев – Бавария с самого начала оказалась на переднем крае миграционного удара, а теперь еще и пережила два подряд кровавых инцидента (помимо мюнхенского психопата – афганец с топором в Вюрцбурге на прошлой неделе).

Вообще оба крупнейших политических сообщества – и консерваторы (ХДС/ХСС), и социал-демократы – расколоты по миграционному вопросу (а теперь это и вопрос безопасности) примерно пополам, так что линия размежевания не совпадает с формальным партийным делением. С учетом описанного выше кризиса партийной системы страны в целом – напрашивается крупное переформатирование всего ландшафта.

Проблема, однако, не в конкретных политиках, даже столь значимых, как Меркель, и не в судьбе отдельных партий. Германия подошла вместе со всей Европой к рубежу, когда требуется новая политическая повестка дня, другая система приоритетов, задач и концептуальных подходов. Пока непонятно, откуда она может взяться. Германия —

яркий пример страны, в которой унифицирующий центризм вытеснил идеологические различия из политики. После холодной войны это произошло во многих европейских странах, но в Германии – в самой полной степени.

Как метко заметил философ и социолог Александр Филиппов, вполне возможно, что Германии сейчас нужен не Шмидт (Гельмут Шмидт – канцлер социал-демократ 1970-х годов, который сумел решительными и точными действиями подавить красный террор), а Шмитт (Карл Шмитт – философ и правовед, теоретик диктатуры, один из наиболее крупных, но противоречивых интеллектуалов XX века). Иными словами, без осмысления новых основ государства и власти просто текущие политические телодвижения ничего не дадут.

Выработка модели развития взамен той, что исчерпала себя за четверть века после холодной войны, невозможна без идеологической дискуссии, но всерьез ее некому вести.

В Германии популярны леволиберальные идеи (в духе партии зеленых) – это один из главных итогов развития после Второй мировой и особенно холодной войны. Но в сложившейся атмосфере трудно предположить, что такие подходы лягут в основу государственной политики, скорее они будут тормозить формирование скорректированной линии. Левый спектр (его шумная часть) – вне игры, его, в общем, устраивает собственная маргинальность. Социал-демократы свою идентичность во многом утратили. Консервативный фланг едва ли в состоянии породить что-то новое. Консервативный мейнстрим – это Меркель, то есть воплощение того самого суперцентризма. Баварцы – региональная сила. «Палеоконсерваторы» национального толка – анахронизм, радикалы с ксенофобским оттенком не имеют никакой программы, кроме «не пущать».

Ситуация складывается парадоксальная. Германская элита долго всеми силами отрешивалась от лидерских амбиций, которые ей все чаще приписывали внешние комментаторы, но, в конце концов, «дозрела» их признать и принять (свежее свидетельство – обнародованная менее двух недель назад «Белая книга» Министерства обороны). Но именно теперь для реализации этих претензий нужен артикулированный идеологический рецепт – как восстанавливать рассыпающуюся реальность.

Он будет формулироваться – неизбежно и под давлением обстоятельств.

Единственного источника не будет, однако составными частями могут стать крупный бизнес, дисциплинированное и эффективное сообщество тех, кого в России обобщенно называют силовиками, ветераны ХДС, наподобие министра финансов Вольфганга Шойбле. По-своему символично, что за последние полтора года ушли из жизни гиганты прошлого – экс-президент Рихард фон Вайцеккер, экс-канцлер Гельмут Шмидт, видные политики Эгон Бар и Ганс-Дитрих Геншер. Непререкаемых авторитетов практически не осталось, Гельмут Коль давно и тяжело болен.

Достаточно очевидно (из большинства высказываний – не только по поводу терроризма, но и в связи с результатами референдума в Великобритании), что будущий стержень – идея сильного и самостоятельного государства. Лозунг мятежников против истеблишмента – вернуть контроль государству, нации, обществу. И если правящий класс не примет во внимание этот запрос, он не удержит ситуацию. Но, скорее всего, такие настроения и превратятся в мейнстрим. Это означает, что эпоха наднациональной «Большой Европы» уходит в прошлое. А какой будет в XXI веке «Европа Отецеств», о которой когда-то мечтал Шарль де Голль, мы скоро увидим.

□

Федор ЛУКЪЯНОВ

(www.